Сулимов С.И.,
кандидат философских наук, доцент,
кафедра истории философии
и культуры,
Воронежский государственный университет;
г. Воронеж, Россия,
sta-sulimov@ya.ru

Черниговских И.В.,
кандидат философских наук, доцент,
кафедра философии и истории,
Воронежский государственный университет
инженерных технологий;
г. Воронеж, Россия,
igrchernigovskix@rambler.ru

Особенности взаимодействия цивилизованного общества с варварским: внутренний и внешний аспекты

Аннотация: в статье рассматриваются особенности взаимодействия цивилизованного общества с его варварскими соседями. Авторы полагают, что такое общество не может стать жертвой победоносного нашествия внешних варваров до тех пор, пока само не откажется от цивилизованного образа жизни, а это возможно только под влиянием внутреннего импульса.

Ключевые слова: цивилизация; внешние варвары; внутренние варвары; варваризация.

Stanislav Sulimov,
Ph.D., Associate Professor,
Department of history of philosophy and culture,
Voronezh State University;
Voronezh, Russia,
sta-sulimov@ya.ru

Igor Chernigovskikh
Ph.D., Associate Professor,
Department of philosophy and history,
Voronezh State University of engineering technologies;
Voronezh, Russia,
igrchernigovskix@rambler.ru

The specifics of the interaction of a civilized society with a barbaric one: internal and external aspects

Abstract: the article examines the features of the interaction of a civilized society with its barbaric neighbors. The authors believe that such a society cannot become a victim of the victorious invasion of external barbarians until it itself renounces the civilized way of life, and this is possible only under the influence of an internal impulse.

Keywords: civilization; external barbarians; domestic barbarians; cultural degradation.

Исторический процесс представляет собой постоянное чередование взлетов и спадов цивилизованного образа жизни, который иногда одерживает верх над варварством, а иногда повергается и разрушается последним. Причем, вопрос, каким образом варвары, будучи по определению менее культурными и политически развитыми, чем цивилизованное общество, могут его разрушить, остается без однозначного ответа. К.Н. Леонтьев, О. Шпенглер, А.Дж. Тойнби и Л.Н. Гумилев согласны между собой в том, что незадолго до своего упадка цивилизация теряет жизненные силы, и поэтому ее превосходство над варварами исчезает. Но почему это происходит? Какова динамика данного процесса? В данной работе мы предпримем попытку дать ответ на этот вопрос.

Существует множество подходов к пониманию цивилизации, и даже простое их перечисление могло бы стать задачей для отдельной работы. Чтобы кратко обозначить основные черты данного явления, обратимся к концепции Н.В. Мотрошиловой, определяющей цивилизацию как усложняющееся взаимодействие влияющих на общество природно-биологических факторов с социально-историческими регулятивами и возрастающее значение последних в развитии человеческого рода [4, с. 22]. То есть во взаимодействии природно-биологических и социально-

исторических факторов, которое обязательно присутствует в жизни любого общества, в цивилизации доминируют социально-исторические факторы. Природа (например, экологическая ситуация) не отменяет своих требований к людям, но цивилизованное общество осмысливает создаваемые ею проблемы и решает их различными методами, а нецивилизованное – реагирует лишь первичным способом. Например, цивилизованные общества древних Египта и Месопотамии буквально приручили засушливый ландшафт, создавая искусные ирригационные системы, а нецивилизованные гунны попросту мигрировали от засухи.

Н.В. Мотрошилова обнаруживает три черты, характерные для любого цивилизованного человека, к какой бы исторически-конкретной цивилизации он не принадлежал. Эти особенности – трудолюбие, правосознание и стремление к материальному комфорту. По мысли исследователя, лишь сумма этих черт формирует личный и общественный характер, стремящийся преобразовать природу и устроить социум так, чтобы каждому индивиду в нем было комфортно.

Мы полагаем, что указанные черты действительно характерны для цивилизованных людей и обществ, но функционируют они не столь прямолинейно и не всегда благотворно для общества. Так, трудолюбие и стремление к материальному комфорту в сумме порождают нарастающую рационализацию труда, которая позволяет все меньшему числу людей участвовать в выполнении грязных и тяжелых работ. В этом смысле классическое рабство является таким же порождением цивилизации, как и промышленный переворот XVIII в. Развитое правосознание позволяет не только понятным и доходчивым образом регламентировать отношения между гражданами цивилизованного общества, но и в юридических терминах объяснить, кто гражданских прав точно не имеет. Именно благодаря правосознанию, рационализации труда и стремлению к материальному комфорту возникли классическое рабство античности и плантационное рабство Нового времени.

Но неужели жизнь обществ, которые исследователи именуют варварскими, детерминирована лишь природно-биологическими факторами? Даже при самом поверхностном взгляде становится заметно, что нецивилизованные общества всегда располагают религиозными представлениями различной степени сложности, искусством оригинальных стилей, нравственными представлениями и, конечно же, обычным правом. Правовые нормы варварского общества типа судебных поединков, ордалий и уплаты виры нередко кажутся цивилизованным наблюдателям

дикими, но они все же имеют социальное, а не природное происхождение. Бесспорно, привыкшим к государственной вертикали и письменному законодательству древним грекам или китайцам такие отношения казались дикими, но если сравнить древних германцев или средневековых евразийских кочевников с аборигенами Австралии до их знакомства с европейцами, то варвары Евразии покажутся образцом цивилизованности.

Таким образом, варварство представляет собой относительное явление: общество может считаться варварским лишь на фоне другого общества, считающегося цивилизованным. Все цивилизации создавали собственное представление о варварах, и эти написанные в различные эпохи портреты имеют ряд общих черт. Какими же видели варваров представители индийской, античной, китайской и мезоамериканской цивилизаций?

Во-первых, варвар – это непонятный и непонятливый чужеземец, который не владеет цивилизованным языком (античное и индийское понимание). Но варвар не только говорит на чужом языке, но и сам его ход мыслей чужд цивилизованному человеку. Неслучайно Аристотель полагал, что варварам неизвестны никакие формы иерархии, кроме отношений хозяина и его рабов, а индийцы считали характерными чертами варваров непризнание кастовой структуры общества [2, с. 257].

Во-вторых, образ хозяйственной и социальной жизни варвара значительно отличается от цивилизованного и, с точки зрения цивилизации, неразумен и невыгоден. Так, китайская и мезоамериканская цивилизации без колебаний навешивали ярлык варваров на кочевников потому, что кочевой способ ведения хозяйства непонятен и невыгоден оседлому земледельцу. Античная цивилизация, познакомившаяся с кочевниками лишь в IV в. н. э., писала портрет варвара с германцев, приписывая им неумение и нежелание эффективно заниматься земледелием, из-за которого германцы ведут себя своевольно и не желают подчиняться разумным правовым и социальным порядкам. Иными словами, варвар несовместим с экономикой цивилизованного общества до тех пор, пока не будет ассимилирован, что вполне допускалось представителями всех цивилизаций.

Как показала история Средних веков, религиозная близость не нивелирует разницу между варварским и цивилизованным обществами: варвар-прозелит остается в культурном отношении варваром, если не будут приняты специальные меры по его ассимиляции. Так, мусульманские путешественники считали варварским образ жизни башкир, исповедовавших ислам, а византийские дипломаты использовали религиозное родство империи со славянами лишь как политический аргумент.

Внешние варвары – не единственная и не самая серьезная угроза для цивилизованного общества. Безусловно, они не были бы принципиально против осуществить беспорядочный геноцид, сопровождающийся повальным грабежом и бессмысленным разрушением, но варвары не имеют возможности сделать это собственными силами. Ведь цивилизованное общество, рационализировав мирный и ратный труд, всегда превосходит варваров технически и политически. Для того, чтобы внешние варвары могли одолеть цивилизованного соседа, он должен сам лишиться себя всех технических, политических, социальных и экономических преимуществ перед ними. Остается предположить, что внутри цивилизованного общества существует «пятая колонна», осознанные и неосознанные предатели, которые приводят в негодность внутренние механизмы регуляции своего общества и позволяют внешним врагам воспользоваться возникшим кризисом.

Отечественный автор Н.М. Мотрошилова, на методологию которой мы опираемся, сформулировала удачное определение внутреннего по отношению к цивилизации варварства: «...варварством целесообразно именовать также и совокупность существующих на зрелых стадиях развития самой цивилизации явлений, форм, способов жизнедеятельности людей, которые разительно отличаются от тенденций, сущностных признаков (если хотите, «телоса») цивилизации и цивилизованности. И отличаются особенно грубым насилием, крайней жестокостью, катастрофически разрушительными историческими последствиями, беззастенчивым попранием уже хорошо известных индивидам и человечеству цивилизационных принципов и норм, недостойном человека одичанием, скотством, да и другими чертами, свидетельствующими об откате к варварству» [4, с. 80]. На наш взгляд, говорить об откате на более ранние стадии индивидуального и общественного развития в данном случае не приходится. Ведь если внутренний варвар осознанно и намеренно нарушает цивилизационные принципы и нормы, то речь идет не о забвении или непонимании, а о целенаправленном отвержении. Такой человек не глупее своих современников или своей эпохи: он прекрасно разбирается в функционировании государства и права, умеет пользоваться современной ему техникой и, скорее всего, имеет в цивилизованном обществе легальный или даже уважаемый статус. Однако он предпочитает жить не в обществе, а параллельно с ним, внешне принадлежа к цивилизации, а внутренне ориентируясь только на себя и свои собственные идеалы.

Данное стремление индивида – жить исключительно личными или партикулярными интересами за счет всего остального мира – присутствует в любом обществе на любой стадии его развития. Но общество только потому и может развиваться и процветать, что не позволяет данному импульсу доминировать.

Можно предположить, что процесс наращивания агрессивного индивидуализма протекает в варварском и цивилизованном обществах в противоположных направлениях. Варварам, начинающим свой исторический путь как конгломерат кланов, родов и дружин, приходится учиться ладить друг с другом хотя бы для победы над общим врагом, а цивилизованное общество, наоборот, проходит путь от консолидированного и слаженного единства к борьбе разрозненных группировок, ни одной из которых нет дела до общего блага. Эти ритмы повторялись в истории много раз, но пока мы не получили ответа на вопрос, почему дезинтегрированную цивилизацию добивают именно внешние варвары и какую роль в этом процессе играют их внутренние пособники.

Рассмотрим по порядку перечень внутренних врагов цивилизованного общества, которые потенциально и реально могут оказать содействие внешним варварам.

Простейшим и наименее опасным типом внутреннего варварства является *мидизм*, то есть стремление подражать образу жизни иного в культурном отношении общества, заочное восхищение им. Обычно мидизм не переходит границ направления моды и присутствует в любой цивилизации как признак широкого кругозора некоторых ее представителей. Например, ярким представителем данного течения был персонаж повести А.С. Пушкина «Барышня-крестьянка», который оформил свое поместье в британском стиле и называл свою дочь Елизавету не иначе как Бетси [6, с. 85].

Более опасные типы внутреннего варварства возникают в момент, когда заложенный в цивилизации потенциал развития начинает иссякать. В процессе развития и усложнения общество реализует содержание этого потенциала, переходя от варварства к цивилизации, а затем – от одной цивилизационной стадии к другой. Но наступает момент, когда большая часть этого фундаментального содержания уже реализована и больше не соответствует исторической ситуации. Когда цивилизованное общество в силу присущей ему рационализации труда становится урбанистическим, а социальная дифференциация углубляется настолько, что при-

вычные связи между социальными группами рушатся, то прежняя культура перестает справляться со стоящими перед обществом задачами. Обновиться естественным путем ей очень сложно, потому что общество в процессе развития и усложнения успело оторваться от своей изначальной природно-экологической и этнической среды. Политические формы тоже уже не соответствуют продиктованным традицией образцам: Сенат из «совета отцов» превращается во властную структуру, прочно отделенную от простонародья, а богачи-«всадники» давно уже не собираются сражаться в конном строю. Подчеркнем, что процесс такого усложнения общественного и политического устройства неизбежен в силу самой сути цивилизации: рационализация труда и его разделение все больше углубляются, общество все сильнее дифференцируется, перед государством встают новые проблемы, которые невозможно решить в рамках *res publica* («общего дела»). И прежние патриархальные отношения сначала превращаются в декорацию, а затем и вовсе уходят в прошлое.

В такой ситуации стремительного отрыва цивилизованного общества от его духовных корней многие люди чувствуют себя потерянными, брошенными и заблудившимися. И в поисках идеального решения проблем зрелой цивилизации мыслители и теоретики создают образ «благородного дикаря». Причем, такой «благородный дикарь», созданный как античными авторами Александрийской школы, так и французскими философами-просветителями, не имеет с реальными варварами или дикарями ничего общего. Это просто отвлеченная отсылка к идеализированному прошлому, когда цивилизация еще не прониклась социальными пороками, беспокоящими создателей этого романтического образа.

Рука об руку с со сторонниками мидизма и почитателями «благородных дикарей» действуют контркультурные идеологи сектантского (хилиастического) и революционного типов, надеющиеся либо уничтожить земной мир как «порочный» и «развращенный», либо мечтающие разрушить старый порядок и заменить его на «царство свободы». Между собой они едины в радикальном неприятии наличного цивилизованного общества, и это неприятие нередко выражается в прямой антигосударственной деятельности.

Призывы восстановить «старое доброе время» или создать очередную «деспотию свободы» используются политиками-радикалами, и это приводит к тому, что политическая борьба все чаще превращается в силовое противостояние авантюристов, партий и самопровозглашенных правительств. Когда эта борьба рано или поздно завершается диктатором

государства и его функционеров, никакие политические учения уже не имеют значения: теперь правит в лучшем случае закон, установленный правительством в одностороннем порядке, а в худшем – военно-полицейская машина принуждения. С этого момента цивилизованное общество не только не имеет единой культурной основы, но для интеграции даже не нуждается в ней: мировые империи функционируют благодаря поощрениям и взысканиям.

И именно это подавляющее господство небольшого количества функционеров над многочисленными массами не входящего в государственную структуру населения становится главной причиной гибели цивилизации. Ведь четкое, понятное всем и признаваемое всеми (но не всеми одобряемое) разделение общества на привилегированное меньшинство и бесправное большинство делает прежние единство интересов и совместное творчество невозможными. Например, профессиональным чиновникам не нужны творческие или героические граждане, потому что их трудно напугать наказанием или подкупить поощрением. Это касается любой сферы общественной жизни. К примеру, китайская цивилизация создала регламентированную систему государственного контроля за религией, при которой буддийским или даосским монахом считался лишь тот, кто молится о здоровье императора и имеет соответствующее удостоверение [3, с. 173]. Личные религиозные переживания и степень знакомства с доктриной вероучения в расчет не принимались.

Также в любых зрелых цивилизованных государствах расцветают семейственность и кумовство: престижные государственные должности занимает не тот, кто может хорошо на них работать, а родственник или приятель высокого начальства. Не все цивилизации даже пытаются этот принцип отрицать. Например, китайская цивилизация в законодательном порядке предоставляла своим чиновникам ряд очень серьезных правовых и экономических привилегий, которыми функционеры пользовались легально и открыто. В частности, китайский чиновник мог совершенно законно устроить своих ближайших родственников в престижные учебные заведения без вступительных экзаменов на основании лишь своего родства с ними [7, с. 66]. О таких родственниках говорили, что они находятся «в тени» чиновника. И, соответственно, чем более высокую должность занимал функционер, тем больше родни беззаботно жило «в его тени».

Такое положение дел демонстрирует важнейший парадокс цивилизационного развития: регламентированный социальный обмен, позволив-

ший цивилизации добиться высот технического, политического и культурного прогресса, необратимо нарушается. Цивилизация в присущих ей рационализации труда, правосознании и стремлении к комфорту доходит до такой точки, что начинает уничтожать сама себя. В этом рационализированном и предельно структурированном обществе больше не места ни творчеству, ни органичному развитию, зато есть видимая всем разница между декларируемыми и реальными ценностями. В обществе, где права и обязанности каждой социальной группы и государственной должности строго регламентированы, а социальная мобильность с каждым годом все больше замедляется, такие качества как трудолюбие и уважение к закону из пути к успеху превращаются в гарантию униженного социального статуса. К примеру, если зависимый крестьянин будет самоотверженно трудиться, то разбогатеет не он, а землевладелец.

В такой обстановке духовные ориентиры, некогда лежавшие в основе растущей цивилизации, превращаются в абстракцию, о которой говорят и пишут, но которую никто не воспринимает всерьез. Государство пытается удержать своих подданных и функционеров в повиновении при помощи принуждения, но ведь карательные органы тоже состоят из людей, имеющих те же самые духовные проблемы. В обстановке, когда честное следование нравственным идеалам означает не повышение статуса индивида, а, наоборот, его понижение, любая государственная структура мгновенно коррумпируется.

Зрелая цивилизация приходит в свое предсмертное состояние, которое можно назвать словом «распад». Механизмы и идеалы, некогда позволившие обществу стать цивилизованным, больше не функционируют, а индивидов и группы не объединяет ничто, кроме территориальной общности и сиюминутных нужд. Если зрелая цивилизация при помощи деспотического, всепроникающего государства борется с внутренними и внешними угрозами, то цивилизация на стадии распада оказывается чем-то внешним даже по отношению к созданному ею государству. Общество и цивилизация теперь как бы существуют в разных плоскостях, и цивилизация превращается из социальной и культурно-исторической реальности лишь в вывеску. Общество же живет, поворачиваясь сиюминутным капризам индивидов, интересы которых постоянно сталкиваются друг с другом. Такой социум не может существовать, опираясь на собственный потенциал, которого у него попросту нет: все естественные связи между индивидами и группами индивидов уничтожены

во время становления и усиления деспотического государства, а связи искусственные, некогда созданные этим государством, превращаются в декоративный, формальный элемент.

При таком отношении к жизни любая государственная должность становится кормушкой для занимающего ее функционера, а труд и совесть превращаются в уязвимые места. Более того, находящиеся у власти безликие, но ненасытные персоны искренне боятся, что однажды прежние добродетели снова станут реальными, и поэтому стремятся дискредитировать их. В качестве примера можно процитировать поучение китайского философа-чиновника Гунсюнь Яна (390–338 гг. до н. э.), известного под псевдонимом Шан Ян: *«Красноречие и острый ум способствуют беспорядкам; ли (искусство – С. С., И. Ч.) и музыка способствуют распущенности нравов; доброта и человеколюбие – мать проступков; назначение и выдвижение на должности добродетельных людей – источник порока»* [9, с. 127]. Впрочем, простонародье, постоянно видящее перед собой примеры жестоких и ограниченных, но удачливых и властных богачей и чиновников, не спешит учиться добродетели или обретать разносторонние познания. Зачем это делать, если жизнь свидетельствует о бесполезности духовности в мире ненасытных материалистов? Например, как отмечает британский историк Р. Осборн, в современной Великобритании даже университетское руководство отдает предпочтение коммерческой выгоде, а не фундаментальной науке: *«В 2004 году, в ходе дебатов о размере платы за обучение, Колин Лукас, вице-канцлер Оксфордского университета, уже без всякого стеснения заявил, что «преподавать нерентабельно»»* [5, с. 727].

В этой исторической ситуации культурные уровни народных низов и элиты стремительно сближаются, уравниваясь в тупости, бессердечии и стяжательстве. Элиту от простонародья на данном этапе отличает лишь наличие больших возможностей для материального комфорта и властвования. Вот как описывает образ жизни римских богачей и аристократов во второй половине IV в. н. э. Аммиан Марцеллин: *«При таких условиях даже немногие дома, прежде славные своим серьезным вниманием к наукам, погружены в забавы позорной праздности и в них раздаются песни и громкий звон струн. Вместо философа приглашают певца, а вместо ритора – мастера потешных дел. Библиотеки заперты навечно, как гробницы, и сооружаются гидравлические органы, огромные лиры величиной с телегу, флейты и всякие громоздкие орудия актерского снаряжения»* [1, с. 18]. А вот данное этим же автором-очевидцем описание

римского простонародья: *«Что же касается людей низкого происхождения и бедняков, то одни проводят ночи в харчевнях, другие укрываются за занавесами театров... Компании режутся в кости, втягивая с противным шумом воздух, с треском выпускают его через ноздри или же – это самое любимое занятие – с восхода солнца и до вечера, в хорошую погоду и в дождь обсуждают мелкие достоинства и недостатки коней и возниц»* [1, с. 19–20].

Казалось бы, при таком почти что одинаковом отношении к жизни в постцивилизированном обществе должен наступить нерушимый гражданский мир. Однако дело обстоит противоположным образом из-за такого человеческого порока как зависть. Даже если средний уровень жизни в городах умирающей цивилизации вполне терпимый, то показное, статусное потребление элиты, кричащая роскошь ее дворцов и нарядов вызывает в менее удачливых согражданах ощущение невыносимости своего положения. Чилийский философ Д.С. Соммэр удачно описал действие этого психологического механизма: *«...необходимо различать отсутствие необходимых средств к существованию и бедность как синдром пробуждения амбиций у людей, искушаемых валом потребительства. Сравнивая это необъятное предложение с собственными скромными доходами (а они всегда будут недостаточны, если пытаться удовлетворить все свои потребительские аппетиты), люди неизбежно ощущают себя безнадежно бедными и незначительными, и, как результат, возникает депрессия. Чем богаче становится мировая витрина предлагаемых товаров, тем более тоскливо и подавленно чувствует себя человек (курсив автора)»* [8, с. 41–42]. В результате простонародье делится на две неравные части: одна часть стремится всеми правдами и неправдами войти в мир элиты, а другая мечтает с этим миром покончить и перераспределить его богатства в свою пользу.

Без преувеличения можно сказать, что в таком обществе внутренним варваром становится каждый. Само общество оказывается внешним по отношению к цивилизации, за счет материального наследия которой оно живет. Поэтому вчерашние цивилизованные люди уже не распознают внешних варваров и никак не отличают себя от них. Нашествие внешнего врага оказывается лишь одним из военно-политических противостояний, которые приносят разорение и смерть одним и открывают новые возможности для обогащения другим. Именно в такой момент всякое техниче-

ское и экономическое превосходство цивилизации над варварством исчезает, потому что цивилизации как таковой уже нет, есть лишь ее стремительно дичающие наследники.

Подводя итоги, необходимо отметить, что процесс смещения баланса технического, военного и политического превосходства от цивилизации к варварству начинается именно со стороны цивилизации. Не внешние варвары усиливаются и однажды одолевают цивилизованного соседа, а цивилизованный сосед в ходе исторического развития постепенно теряет свою цивилизованность и уравнивается с внешними варварами, а затем и уступает им. Данный процесс задолго до своего печального финала приводит к возникновению и широкому распространению внутреннего варварства, представители которого чувствуют себя чужими по отношению к породившей их цивилизации. Однажды количество переходит в качество, и земли развитого общества оказываются населены варварами, родившимися и выросшими в домах некогда цивилизованных граждан. Но их исторический потенциал уже исчерпан, и будущее принадлежит варварам с другой стороны границы, которые только вступают на путь цивилизационного развития и нередко вдохновляются погибшей цивилизацией как образцом.

Литература:

1. *Аммиан Марцеллин*. Римская история. М.: АСТ, 2005. 631 с.
2. *Кей Д.* История Индии. М.: Астрель, 2011. 761 с.
3. *Крюков М.В.* Китайский этнос в Средние века (VII–XIII вв.) М.: Наука, 1984. 325 с.
4. *Мотрошилова Н.В.* Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. М.: ИФРАН, 2010. 2-е, расшир. исправ. изд. 480 с.
5. *Осборн Р.* Цивилизация. Новая история Западного мира. М.: АСТ, 2018. 768 с.
6. *Пушкин А.С.* Сочинения. В 3-т. Т. 3. Проза. М.: Худож. лит. 527 с.
7. *Рыбаков В.М.* Танская бюрократия в 2 ч. Ч. 1. Генезис и структура. СПб.: Петербургское востоковедение, 2009. 512 с.
8. *Соммер Д.С.* Мораль XXI века. М.: Кодекс, 2019. 480 с.
9. *Шан Ян.* Книга правителя области Шан. М.: Рипол-классик, 2018. 424 с.

* * *